

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ КАК НАУКА. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА. ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ И ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ

2010.03.001. ПАНЬКОВ Н.А. ВОПРОСЫ БИОГРАФИИ И НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА М.М. БАХТИНА. – М.: МГУ, 2009. – 720 с.

В монографии Н.А. Панькова¹ освещается период жизни М.М. Бахтина (1895–1975), относящийся к концу 30-х – началу 40-х годов. Автор сопоставляет архивные документы и печатные источники, высказывая порой «гипотетические допущения», набрасывая «вероятностную схему развития событий» (с. 4). Книга состоит из трех разделов: «Споры о романе», «Вокруг “Рабле”», «Бахтин и другие».

Основная тема первого раздела – две дискуссии о теории романа, состоявшиеся в 1940 и 1941 гг. в Институте мировой литературы АН СССР (ИМЛИ РАН). М.М. Бахтин тогда сделал два доклада («Слово в романе» и «Роман как литературный жанр»), опубликованных значительно позднее.

Свой *первый* доклад «Слово в романе» он прочитал 14 октября 1940 г. Выясняется, что у Бахтина в то время было две работы с этим

¹ Кандидат филол. наук (1984), доцент (1989), главный ред. журнала «Диалог. Карнавал. Хронотоп» (1992–2003, № 1–40; 2009, № 41), посвященного биографии, теоретическому наследию и эпохе М.М. Бахтина; с 2000 г. – сотрудник Научной библиотеки МГУ.

названием: 1) книга, написанная во время ссылки 1934–1936 гг.¹; 2) вышеуказанный доклад, озаглавленный (во избежание путаницы при его публикации много лет спустя) «Из предыстории романного слова»². Книга послужила основой для доклада, отмечает Н.А. Паньков. В книге роман был понят как «многостильное, разноречивое, разноголосое явление», которое построено на «своеобразном социальном диалоге языков»³; в докладе стилистический анализ диалогизированной системы «языков», стилей и мировоззрений конкретизировался, развивался. В книге центральной была категория *разноречия*, которую Бахтин определял как «внутреннюю расслоенность единого национального языка на социальные диалекты, групповые манеры, профессиональные жаргоны, жанровые языки, языки поколений и возрастов, языки направлений и партий, языки авторитетов... кружков и мимолетных мод», причем эта «расслоенность каждого языка в каждый данный момент его исторического существования» была названа «необходимой предпосылкой романного жанра»⁴. В докладе ученый сосредоточился на двух факторах, подготовивших «романное слово нового времени»: речь шла о *смехе* и *многоязычии*⁵. По мнению Н.А. Панькова, функция смеха в этой паре «относительно вспомогательная, как бы “техническая” по сравнению с той, что отводится многоязычию», которое и стало центром внимания Бахтина (с. 21–22). В книге о смехе практически не упоминалось, отмечает А.Н. Паньков. Таким образом, книга имела дело с «серьезной линией», а доклад – со «смеховой».

Краеугольным в докладе (стенограмма его обсуждения не сохранилась) стал следующий тезис: «*Роман возникает на меже*

¹ См.: Бахтин М.М. Слово в романе // *Вопр. лит.* – М., 1965. – № 8. – С. 84–90; Бахтин М.М. Слово в романе // Бахтин М.М. *Вопросы литературы и эстетики.* – М.: Худож. лит., 1975. – С. 72–233.

² См.: Бахтин М.М. Из предыстории романного слова // *Уч. зап. Мордов. ун-та.* – Саранск, 1967. – Вып. 61. – С. 3–24; Бахтин М.М. Из предыстории романного слова // Бахтин М.М. *Вопросы литературы и эстетики.* – М.: Худож. лит., 1975. – С. 408–446.

³ Бахтин М.М. Слово в романе // Бахтин М.М. *Вопросы литературы и эстетики.* – М., 1975. – С. 73, 75, 77.

⁴ Там же. – С. 76.

⁵ Бахтин М.М. Из предыстории романного слова // Бахтин М.М. *Вопросы литературы и эстетики.* – М., 1975. – С. 445.

языков, диалектов, языка литературного и нелитературных <языков>. Такое существенное и творческое многоязычие имело место в эпоху эллинизации, в последние века Римской империи, в эпоху Возрождения» (с. 22–23). Три названные «нестабильные» эпохи «выступили в докладе как историко-культурный фон для рассмотрения многоязычия», которое «скрепило их между собой в единую цепь» (с. 23). Автор монографии считает, что «никакой четкой границы между разноречием и многоязычием – как двумя “децентрализующими (расслаивающими язык) тенденциями” – не существует. Это разные аспекты одного и того же явления» (с. 24).

Во *втором* докладе «Роман как литературный жанр», прочитанном 24 марта 1941 г. (позднее опубликованном под названием «Эпос и роман»¹), весьма заметная роль отводится смеху как одному из ведущих «параметров» философии жанра. Ученый боролся с «внеисторичностью», «отсутствием философской основы», присущими теории жанров. «По Бахтину, – утверждает Н.А. Паньков, – для “модели мира, лежащей в основе жанра и образа” (жанра романа и романного образа в данном случае), чрезвычайно характерна апелляция к смеху как мировоззренческой основе изменений, принесенных в литературу романом» (с. 32). Без смеха было бы невозможно обновление образа человека, которое сделало этот образ лишенным атрибутов внешнего «героизма», живым, идеологически инициативным, «становящимся»: «... человек перестал совпадать с самим собою, а следовательно, и сюжет перестал исчерпывать человека до конца»². Пафос второго доклада, отмечает А.Н. Паньков, суммировался в тезисах: «Роман – единственный неготовый еще, становящийся жанр европейской литературы»; он обладает «могучим влиянием» на перестройку других жанров, на «изменение их отношения к действительности и преодоление свойственной им, готовым жанрам условности, манерности, языковой косности и т.п.»; роман «сделал именно современность (в существенном смысле) исходным пунктом и относительным центром ориентации в историческом времени» (с. 31).

¹ См.: Бахтин М.М. Эпос и роман // *Вопр. лит.* – М., 1970. – № 1. – С. 95–122; То же // Бахтин М.М. *Вопросы литературы и эстетики.* – М., 1975. – С. 447–483.

² Там же. – С. 478.

В обсуждении доклада приняли участие И.С. Дукор, А.Ш. Гурштейн, Л.И. Тимофеев, И.В. Соколов, М.А. Рыбникова, но дискуссия «не производит целостного впечатления» (с. 33). Стенограмма зафиксировала и два выступления самого докладчика. В заключительном выступлении он, в частности, сказал, что дискуссия помогла ему увидеть роман с точки зрения «другого» (с. 34).

В книге публикуются тезисы двух названных докладов М.М. Бахтина, а также стенограмма обсуждения второго доклада. Анализируя дискуссию, автор монографии стремился показать определенную степень обусловленности идей ученого «литературно-теоретическим контекстом 30–40-х годов, их взаимосвязь с этим контекстом» (с. 53).

В разделе «Вокруг “Рабле”» (занимающем более половины исследования Н.А. Панькова) прослеживается история создания книги «Творчество Ф. Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» (1965, 1990). В подразделе «“От хода этого дела зависит все дальнейшее...” (Диспут о “Рабле” как реальное событие, высокая драма и научная комедия)» речь идет о подготовке и самой защите М.М. Бахтиным рукописи его книги «Ф. Рабле в истории реализма» в качестве диссертации на заседании Ученого совета ИМЛИ 15 ноября 1946 г. А.Н. Паньков подробно описывает зарождение замысла этой работы, процесс ее написания, ход защиты, включая характеристику всех ее основных участников. Публикуется «Стенограмма заседания Ученого совета...». На защите присутствовали его члены – В.Ф. Шишмарёв, В.Я. Кирпотин, Л.И. Пономарев, С.И. Соболевский, Л.И. Тимофеев, Н.К. Пиксанов, Н.Л. Бродский, И.Н. Розанов, Н.К. Гудзий, Б.В. Михайловский, И.М. Нусинов, А.К. Джигелегов, М.А. Цявловский, здесь были и «зрители» (всего, по воспоминаниям В.Я. Кирпотина, «народу было примерно 25–30 человек»). В качестве официальных оппонентов выступили доктор филол. наук А.А. Смирнов, И.М. Нусинов, А.К. Джигелегов.

Мысль о возможности присуждения М.М. Бахтину сразу докторской степени первым высказал, по-видимому, А.А. Смирнов. По мнению Н.А. Панькова, весь ход защиты, нашедший отражение в стенограмме, «можно блистательно поставить на сцене» (с. 113) как «высокую драму» (к которой, как порой бывает, «примешиваются комедийные и даже просто буффонные мотивы») (с. 116). Со своей стороны, биограф дает отдельные штрихи, «замечания

для господ актеров» относительно облика и характера действующих лиц разыгрываемой драмы.

Так, «первый неофициальный оппонент» М.П. Теряева в своем «довольно смешном монологе» (с. 119) обвиняла Бахтина прежде всего в том, что он не упомянул «наших лучших литературоведов» – Сталина, Ленина и т.п. В том же стиле выступила Е.Я. Домбровская. Неприятие бахтинской карнавальной концепции Н.К. Пиксановым касалось трактовки ученым народно-праздничной культуры как источника многих мотивов романа Рабле. Н.Л. Бродский тоже «совершенно не понял и не принял концепцию Бахтина» (с. 133). Не перечисляя всех замечаний в адрес соискателя, Н.А. Паньков отмечает, что наибольшие нарекания вызвала констатация М.М. Бахтиным смехового характера народной культуры. Суть расхождения с оппонентами он видит в различии взглядов на историзм: «По Бахтину, историзм, заключается в “раскапывании” древнейших истоков и корней явления... Смирнов и Нусинов (а также прочие оппоненты-рецензенты) под историзмом понимают исследование явления в социальном контексте породившей его эпохи» (с. 150).

В поддержку диссертанта выступили Д.Е. Михальчи, И.Л. Финкельштейн, Б.В. Залесский. Что касается В.Ф. Шишмарёва, то вначале он председательствовал на защите, но потом исчез, и председателем стал В.Я. Кирпотин. Был зачитан короткий, довольно сдержанный, но однозначно положительный отзыв академика Е.В. Тарле. Завершал дискуссию Б.В. Горнунг, который постарался сгладить противоречия и подвести «марксистские постулаты под тезисы Бахтина» (с. 144). По результатам тайного голосования за присуждение Бахтину ученой степени кандидата филологических наук были все 13 членов Ученого совета, *против* – 0; за присуждение Бахтину ученой степени доктора филологических наук – 7, *против* – 6.

В монографии публикуются снабженные развернутыми комментариями тезисы диссертационной работы М.М. Бахтина, а также отзыв Б.В. Томашевского (написан в 1944 г.) на рукопись книги М.М. Бахтина «Ф. Рабле в истории реализма», содержащий ряд ценных суждений. И хотя отзыв не оглашался на защите, однако он фигурирует в личном деле М.М. Бахтина, отправленном в ВАК. Называя исследование «солидным научным трудом», Б.В. Тома-

шевский утверждал: «Взгляды автора смелы и оригинальны. Они слагаются в цельную систему интерпретации произведения Рабле... Его выводы значительны и по отношению к поздним явлениям литературы (в частности, к Гоголю). Знакомство с трудом М. Бахтина необходимо всякому, кто хочет серьезно, с исторической объективностью понять и изучить творчество Рабле и явления его эпохи. Можно быть уверенным, что на Западе, особенно во Франции, книга... произведет впечатление в компетентных кругах» (с. 261). Так и не высказав никаких критических замечаний, Б.В. Томашевский заключил свой отзыв словами: «Книга во всяком случае заслуживает печати» (с. 262). Этот отзыв, по мнению биографа, сыграл определенную роль и в 1960-е годы, когда ставился вопрос о публикации труда.

ВАК довольно быстро утвердила решение о кандидатской степени, а выдвижение работы М.М. Бахтина на докторскую степень после шести лет раздумий (1946–1952) «в конечном итоге было отклонено» (с. 264). И только в 1952 г. соискатель получил диплом кандидата филологических наук. Н.А. Паньков уделяет внимание историческому контексту (борьбе с «космополитизмом»), а также анализу отзывов, написанных М.П. Алексеевым, В.В. Виноградовым, В.А. Дынник, В.М. Жирмунским, Р.М. Самариным и др. в связи с обсуждением вопроса о возможности присуждения М.М. Бахтину степени доктора филологических наук.

Далее, во втором разделе книги, доминирует научно-теоретическая проблематика. Автор монографии стремится осмыслить своеобразие научного метода М.М. Бахтина, его подход к теории смеха. По его мнению, не изучение Рабле подтолкнуло Бахтина к открытию противоборства двух культур Средневековья (церковной, официальной, и народной, карнавальной), а, напротив, «открытие двух культур Средневековья (прежде всего – народной) побудило... изучать Рабле». Начальным импульсом послужило открытие «гротескной концепции тела», из которой постепенно возникли понятия «готического» и «гротескного» реализма, а затем – «народной смеховой культуры» (с. 358). Основу метода ученого «составил трансформированный сравнительно-исторический метод А.Н. Веселовского» (с. 363). Главным вкладом Бахтина стало объединение «разрозненных курьезов» в теоретические понятия: «Подобно волшебному челноку, мысль Бахтина снует из античности и

раннего Средневековья в XVI век и обратно, “сшивая” в единую семантическую ткань смеховые произведения народа и роман “Гаргантюа и Пантагрюэль”» (с. 367). Характерно в связи с этим упоминание самим ученым о «ясном и отчетливом *теоретическом* осознании единства всех... явлений, охватываемых термином гротеск»¹ (с. 359).

В процессе исследования, отмечает Н.А. Паньков, принцип соотнесения народной смеховой культуры с «Гаргантюа и Пантагрюэлем» существенно изменился: в диссертации (1946) и в каноническом тексте книги о Рабле (1965) оказались реализованными две «модели» исторической поэтики, заявленные А.Н. Веселовским. В работе «Из введения в историческую поэтику» (1893) ученый «определил задачу исторической поэтики как исследование “эволюции поэтического сознания и его форм”. По словам же позднего Веселовского (“Поэтика сюжетов”), “задача исторической поэтики... определить роль и границы предания в процессе личного творчества”²» (с. 368). Бахтин, со своей стороны, стремился совместить эти тенденции, склоняясь «то к исторической (диахронической), то к теоретической (синхронической) проблематике... соединяя два “узла” теоретического рассмотрения (“народную смеховую культуру” и роман Рабле в их “внутренне-конститутивном значении” и в системе их “составных элементов”) линиями генетического родства и каузальности» (с. 369).

В каноническом тексте книги как главное начало М.М. Бахтин определил не эволюционный путь, а результат этого пути: «Расцвет гротескного реализма – это образная система народной культуры Средневековья, а его художественная вершина – литература Возрождения»³ (с. 376).

Н.А. Паньков обращает внимание на то, что в диссертации слово «реализм» употреблялось с несколькими определениями – «готический», «фольклорный», «ренессансный», «гротескный» и «народный». Хотя по частотности упоминания доминировал тер-

¹ Бахтин М.М. Творчество Ф. Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. – 2-е изд. – М., 1990. – С. 42.

² См.: Веселовский А.Н. Историческая поэтика. – М., 1989. – С. 42, 300.

³ Бахтин М.М. Творчество Ф. Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. – С. 39.

мин «готический реализм», но особенно значимым было определение «гротескный» (вместе с термином «гротеск») «как принципиально важный, заключающий в себе сердцевину снижающей и пародирующей все явления, “материально-телесной” концепции карнавала» (с. 383). Тем самым М.М. Бахтин выступил против «литературного и изобразительного канона “классической” античности», а также против узкой «“эстетики прекрасного”, сложившейся в Новое время под непосредственным влиянием односторонне понятой античной классики» (с. 384). Н.А. Паньков пытается найти истоки термина «готический реализм» в биографии ученого.

В подразделе «М.М. Бахтин и С.С. Аверинцев: Два взгляда на теорию смеха» представлен своеобразный «диалог» двух ученых. Статья Аверинцева «Бахтин, смех, христианская культура» (1988) – «разросшаяся заметка на полях книги Бахтина о Рабле», по определению самого автора, – является, по сути, спором с М.М. Бахтиным о его трактовке карнавального смеха. Обращаясь к основным моментам этого «диалога»-«несогласия», Н.А. Паньков в некотором смысле признает справедливость вывода о том, что Бахтин воплотил в своей книге «гипостазированную и крайне идеализированную сущность смеха»¹ (с. 405). В статье Аверинцев размышлял «о физиологии, логике, феноменологии и метафизике смеха – с включением сюда еще и теологического (или, по определению автора, “паратеологического”) аспекта. Бахтинская ассоциация смеха со свободой отклоняется им как не совсем точная; вместо нее Аверинцев подчеркивает (со ссылкой на Анри Бергсона) механистичность, “непроизвольность” автоматической реакции нервов и мускулов, вызывающей смех при тех или иных обстоятельствах» (с. 401). Аверинцев приводит ряд впечатляющих казусов, иллюстрируя поразительную, по его мнению, утопичность (а следовательно, уязвимость, неубедительность) теории карнавала. Таковы «образчики жестокости в античной комедии, в архаических ритуалах увенчания-развенчания (с упоминанием в этой связи евангельского эпизода глумления над Христом), кровавые игры “карнавализатора” Ивана Грозного и подражающего ему Сталина,

¹ Аверинцев С.С. Бахтин, смех, христианская культура // М.М. Бахтин как философ. – М., 1992. – С. 7–19.

надругательства над инакомыслящими во Франции времен Великой революции и в фашистской Италии, в которых использовалось смеховое снижение и обыгрывание топики материально-телесного низа» (там же).

Эти и другие примеры призваны опровергнуть бахтинскую сентенцию о том, что «за смехом никогда не таится насилие»; стихия смеха показана в статье Аверинцева как во многом очень опасная и страшная, часто чреватая насилием. Таким образом, главный, «паратеологический», вопрос, занимавший ученого, – «... в чем же все-таки правота старой традиции, согласно которой Христос никогда не смеялся?» – получает «не только ответ, но и более или менее развернутое обоснование», – обобщает Н.А. Паньков (с. 402).

Если С.С. Аверинцев, по мнению Н.А. Панькова, постулируя «жестокость» смеха, подвергал сомнению «жизненную значительность» карнавальной культуры, то М.М. Бахтин «видел в карнавале расширение взгляда на мир, возможность постигнуть альтернативные, во многом экстремальные (с точки зрения современных “официальных”, “высоких” канонов) сферы бытия» (с. 408). Соответственно, связь Рабле, Шекспира, Достоевского и других писателей с народно-праздничной системой образов М.М. Бахтин, согласно Н.А. Панькову, рассматривал как способность расширить спектр отражаемых (и пересоздаваемых фантазией) явлений, как способность «пережить несколько жизней» (с. 409).

Исследователь предполагает, что разногласия между М.М. Бахтиным и С.С. Аверинцевым обусловлены неопределенностью разновидностей смеха: Бахтин говорит о ритуально-праздничном (особенно карнавальном) смехе, в статье Аверинцева речь идет о совершенно другом феномене – об индивидуально-инициативном смехе (с. 413). «Возможно, – заключает свою мысль Н.А. Паньков, – Бахтин и Аверинцев, каждый на свой лад, эмоционально переосмыслили термин “смех” и развели два понимания этого слова почти до степени омонимии» (с. 414). Это значит, что, отталкиваясь от противоречий между выдающимися исследователями, необходимо попытаться рассматривать феномен «смеха» в его целостности и добиться того, чтобы он обрел свою подлинную терминологичность.

В третьем разделе «Бахтин и другие» представлен своеобразный диалог ученого с людьми, которые его окружали в разные годы. Публикуются письма Бахтина и его жены к Б.В. Залесскому,

ученому-петрографу, близкому их другу, а также письма младшей сестры Бахтина, Натальи Михайловны, и фрагменты из дневника М.К. Юшковой-Залесской (жены Залесского). Из писем Бахтина биограф, в частности, выделяет строки: «Дорогой Борис Владимирович, я погибаю без книг. Работа моя стоит <...> и время уходит даром... В связи со срывом работы настроение у меня отвратительное» (с. 434). «Как представляется, – пишет Н.А. Паньков, – это – очень ценный документ, свидетельствующий об эмоциональном состоянии мыслителя в один из наиболее трагических моментов его жизни... когда физическая немощь достигает уже крайних пределов, перспектива более или менее благополучно устроить свою судьбу отсутствует, а надежды на переезд в какую-либо из столиц практически растаяли. Единственным утешением и единственной надеждой в этих обстоятельствах остается работа... Бахтин работает над темой романа, стремится завершить “Рабле”» (с. 434).

Н.А. Паньков показывает роль В.В. Кожина, который в 1960-е годы сумел найти М.М. Бахтина в далеком Саранске, организовать переиздание его книги о Достоевском (впервые вышедшей в 1929 г.), публикацию книги о Рабле (через 19 лет после ее защиты в качестве диссертации). Все эти события отражены в переписке. Из писем М.М. Бахтина узнаем, в частности, о философских увлечениях ученого: «С интересом прочитал статью Гайденко о Хайдеггере... автор, по-видимому, обладает настоящей философской одаренностью... Самого Хайдеггера я, к сожалению, мало знаю. Из учеников Гуссерля (которого я ценю очень высоко и который оказал на меня определяющее влияние) мне ближе всего был Макс Шелер и его персонализм, Хайдеггер же как-то почти вовсе оставался вне поля моих философских симпатий, но по статье Гайденко я вижу, что кое в чем и он мне близок...» (с. 549).

В книге представлена переписка М.М. Бахтина с В.Н. Турбиным (в те годы доцентом МГУ, автором нашумевшей книги¹). Н.А. Паньков поясняет: «Письма Турбина очень длинные и весьма информативны (в отличие от коротких и более или менее “дежурных” писем, фактически записок, Бахтина, который в поздние годы писал длинные письма только Кожину)» (с. 6). Письма М.М. Бах-

¹ См.: Турбин В.Н. Товарищ время и товарищ искусство. – М., 1961.

тина к В.Н. Турбину носят более деловой характер по сравнению с посланиями к В.В. Кожинуву, но и в них содержатся, например, такие размышления: «... *чистая* серьезность лишена всяких творческих потенций. Даже простое сравнение или метафора предполагают какой-то минимум смеховой вольности. В атмосфере абсолютной серьезности (в пределе) невозможно никакое движение мысли (всякой мысли, а не только художественной)» (с. 651). В комментариях к письмам автор монографии вводит в научный обиход многие архивные документы.

Материалы, составившие книгу, публиковались Н.А. Паньковым на русском и английском языках в журналах «Вестник Московского университета» (Сер. Филология), «Вопросы литературы», «Диалог. Карнавал. Хронотоп», «Dialogism», «Знамя», «Известия РАН» (Сер. лит-ры и яз.), а также в сборниках статей «М. Бахтин и гуманитарные науки», «Лицом к лицу: Бахтин в России и на Западе», «Наука о литературе в XX в.: (История, методология, литературный процесс)», «М. Бахтин и культурная теория»¹ и др.

А.А. Холиков

2010.03.002. ЕВРОПЕЙСКИЙ КОНТЕКСТ РУССКОГО ФОРМАЛИЗМА: (К ПРОБЛЕМЕ ЭСТЕТИЧЕСКИХ ПЕРЕСЕЧЕНИЙ: ФРАНЦИЯ, ГЕРМАНИЯ, ИТАЛИЯ, РОССИЯ): Коллективная монография по материалам русско-французского коллоквиума 1–2 ноября 2005 года / Под ред. Дмитриевой Е. (отв. ред.), Земскова В., Эспаня М. – М.: ИМЛИ РАН, 2009. – 287 с.

Книга продолжает серию публикаций материалов русско-французских коллоквиумов, посвященных проблеме культурных перемещений и трансплантаций, которая известна во Франции и других европейских странах как теория культурного трансфера².

¹ См.: М. Bakhtin and humanities. – Ljubljana, 1997; Face to face: Bakhtin in Russia and the West. – Sheffield, 1997; Наука о литературе в XX в.: (История, методология, литературный процесс. – М., 2001; М. Bakhtin and cultural theory. – Manchester; N.Y., 2001.

² В этой серии вышли книги: Литературный пантеон: Национальный и зарубежный / Под ред. Дмитриевой Е., Земскова В., Эспаня М. – М.: Наследие, 1999; Кануны и рубежи: Типы пограничных эпох – типы пограничного сознания: Материалы российско-французской конференции / Под ред. В.Б. Земскова. – М.: